

И еще одна форма существования дворянской усадьбы представлена в рассказе «Table-talk 1882 года» — щедринская, когда распад и уничтожение дворянского гнезда представляется без малейшего намека на романтизм. Топос усадьбы князя Каракина присутствует со всеми атрибутами: «место райское и отлично обустроенное» [2, с. 44], дом, парк с бельведером в венском стиле, ограда с караульными и два сокровища — дочери князя. Однако весьма далекая от представления о тургеневской девушке Полинька Каракина, томясь от уединенной усадебной жизни и мечтая о блеске больших городов, оказывается способной на преступление. Стремясь вырваться из родового гнезда и быть полновластной хозяйкой всего огромного отцовского состояния, она убивает сестру и отравляет отца, после чего беспрепятственно покидает родовое гнездо, поселившись на другом краю света — в Рио-де-Жанейро.

Усадебное пространство у Б. Акунина — это скорее торжество смерти, нежели любви: здесь умирают чаще, чем влюбляются, здесь покушаются на жизнь и совершаются убийства близких людей из корысти, злобы и преступной страсти. Таким образом, жизнь дворянской усадьбы, представленная вначале в романтически-элегических тонах, постепенно принимает черты трагического разрушения как культурного пространства, так и человеческой сущности.

Литература

1. Акунин, Б. Пелагия и белый бульдог / Б. Акунин. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2001. — 284 с.
2. Акунин, Б. «Table-talk 1882 года» / Б. Акунин // Нефритовые четки. — М.: ИП Богат, 2007. — С. 37–58.
3. Акунин, Б. Скарпея Баскаковых / Б. Акунин // Нефритовые четки. — М.: ИП Богат, 2007. — С. 153–204.
4. Глазкова, М. В. Русская усадьба в мифологическом аспекте («Обрыв» И. А. Гончарова и «Новь» И. С. Тургенева) / М. В. Глазкова // Филолог. науки. — 2007. — № 2. — С. 92–98.
5. Головачева, А. Г. Чехов в постмодернистском контексте: «Вишневый сад» — «Скарпея Баскаковых» Б. Акунина / А. Г. Головачева // Литература в школе. — 2010. — № 8. — С. 5–8.
6. Дмитриева, Е. Е. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. — М.: ОГИ, 2003. — 280 с.
7. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. — Таллинн, 1992. — Т. 1 — С. 129–132.
8. Цивьян, Т. В. Verg. Georg. IV: к мифологеме сада / Т. В. Цивьян // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 147–152.
9. Щукин, В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе / В. Г. Щукин. — Краков, 1997. — С. 122.

Ирина Скоропанова (Минск)

ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЦИКЛЕ РОМАНОВ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА «ПЛОХИХ ЛЮДЕЙ НЕТ (ЕВРАЗИЙСКАЯ СИМФОНИЯ)»

Рубеж XX–XXI вв. — кризисное время разочарований, утраты общезначимых перспектив, тревоги за будущее, но и поисков ценностей, способных объединить расколотое человечество, придать развитию цивилизации обнадеживающий импульс. Вносит свой вклад в осмысление глобальных проблем

современности и литература. Для нее характерен, однако, перевес критического начала над утверждающим. В русской литературе это проявляется в создании большого числа антиутопий, предупреждающих о грозящих человечеству опасностях. Тем поразительнее обращение к традиции социальной утопии, предпринятое Хольмом ван Зайчиком в цикле романов «Плохих людей нет (Евразийская симфония)» (2000–2003) для моделирования позитивных перспектив развития человеческого сообщества. На первый план у писателя выходит взрывоопасная в наши дни проблема межнациональных и межрасовых отношений, представленная как благополучно решенная в созданном воображением Хольма ван Зайчика государстве-содружестве Ордусь. Основа его постнациональной политики — плюрализм, экуменизм, терпимость к инаковому, благо конкретного человека как условие блага всего общества, в силу чего складывается мультиуниверсум, в котором царят мир, равноправие, этнокультурное многообразие.

Уже в названии государства Ордусь прочитываются Орда и Русь, а слитное окказиональное образование содержит указание на то, что государство, раскинувшееся от Балтийского до Желтого моря, — евроазиатское. Каждый из составляющих его народов сохранил свою национальную культуру, обычаи, язык, но в стране утвердился мультикультурализм, предполагающий гибридную гетерогенность различного. Данное обстоятельство отражает полинациональный дискурс цикла романов, вбирающий в себя русский, украинский, китайский, монгольский, арабский, индийский национально-культурные компоненты, включая соответствующую лексику, а также лексику стран, с которыми Ордусь контактирует: французскую, немецкую, англо-американскую. Как олицетворение плюралистической культурной парадигмы Ордуси воспринимается картина на выставке в музее, изображающая великих учителей человечества — Будду Гаутаму, Лао-цзы, Иисуса Христа, Мухаммада, Конфуция, мирно беседующих на горе Синайской. Урбанистический пейзаж ордусских городов включает в себя и буддийские, и даосские, и христианские храмы, и мечети, и пагоды, и синагоги. Каждый выбирает свое по вере и убеждениям. Многие браки смешанные, отчего имена, отчества, фамилии — самые невообразимые: Редедя Пересветович Алимагомедов, Чэн Тойво Петрович, Тутанхамон Нестерович Анпичментов и т. д. В каждом из семи улусов (регионов) Ордуси говорят на своем языке, но все знают и китайский — язык большинства населения страны и средство межнационального общения.

Хольм ван Зайчик прогнозирует насыщение русского языка китайской лексикой, подобно тому как в прежние времена он вобрал в себя латинские, немецкие, французские, итальянские, англо-американские слова и обороты. Значение незнакомых слов и понятий разъясняется в сноске либо выявляется из контекста: «... Опубликованные в престижнейшем издании “Роман-жибао”» [4, с. 71]; «Баг молча продемонстрировал ему пайцзу Управления» [2, с. 59]; «В дверь негромко стукнули, и в купе появился служитель куайчэ...» [4, с. 8]. Иногда в тексте непосредственно дается перевод с китайского: «Гостиница “Шоуду”, или, по-русски “Столица”» [6, с. 13]; «...телесериал из средневековой жизни “Цзинь тин мэи” — “Цветы сливы в золотой вазе”» [3, с. 176]; «— Уфа жэньшоудэ... — едва слышно пробормотал он, потом

вздрыгнул и, хотя все его прекрасно поняли, повторил по-русски: — *Невыносимо*» [3, с. 105].

Цитируются многочисленные памятники китайской философии и литературы, и прежде всего «Лунь юй» («Суждения и беседы») Конфуция как одна из основ ордуcской этики с центральным для нее понятием «жэнь» — гуманность.

Ведет Хольм ван Зайчик и комедийную игру с заимствованной и «китаезированной» русской лексикой: «...*Книга великого александрийского человеколюбца Радищева “Цун дянь дао тай люйсин лунь” — “Рассуждение о путешествии из чертога на лобное место”*» [6, с. 232]; «*И не за романом “Шифу и Маргарита”*» [3, с. 180]; «— *Плихали, драгоценные плезделозденные*» [6, с. 179]. Подобная игра вносит в произведения юмористическую струю, перебивающую поучительность многих цитат.

Не забыты писателем и даосские каноны и буддийские сутры, обогатившие ханьскую (вообще мировую) культуру. На восточный лад переделываются русские фразеологизмы: «*Слава Будде, ты в порядке*» (вместо «Слава Богу»); «*Один Будда ведает — отчего*» (вместо «Бог знает»); «*Если кто заставит глупца возносить хвалы истинному Дао, глупец лишь разобьет лоб*» (вместо «заставь дурака Богу молиться, он лоб себе разобьет») и т. д. Тем самым Хольм ван Зайчик приближает чужое к русской ментальности.

Главные герои, Багатур Лобо и Богдан Оуянцев-Сю, — друзья, причем Баг — монгол-буддист, Богдан — русский-православный, а жена и тесть у него — мусульмане. Неудивительно, что по различным поводам цитируется Коран, и чаще из него выбираются суры миролюбивае. Тесть, бек Кормибарсов, просвещает в этом отношении Богдана и в минуты опасности оказывает ему помощь. Он помогает выявить мотивы одного из преступлений, связанного с похищением мусульманской святыни — легендарного плаща (плащаницы) Пророка. В текст вводится арабский оборот *хиркейе мубарак*, значение которого проясняется в сноске: *благословенный покров*. Считается, что *хиркейе мубарак* был сотворен нерукотворно, днем служил Пророку плащом, ночью одеялом и был завещан Мухаммадом одному из первых суфиев. Позже *хирка* попала в сокровищницу халифов, откуда исчезла при осаде Багдада монголами, периодически «всплывала»^{*} в разных местах, расцениваясь как символ могущества. После завоевания Алжира французами ее следы затерялись. «*Того, кто наденет хирку, вся умма признает Амир-уль-Моминином, Возждем Правоверных, и Халифом Расул-Алла — наместником Пророка, которого ведет сам Аллах*» [6, с. 178], он будет считаться главой всего мусульманского мира, всех «приверженцев Аллаха, в какой бы из стран те ни жили!» [6, с. 250], — рассказывает бек Кормибарсов и делает вывод: «Это же верный шанс нарушить великое постоянство, мирными плодами коего человечество пользуется уже так долго! Даже Ордусь могла бы зашататься! Какой соблазн для честолюбцев!» [там же]. Конкурентами на обладание якобы опять «всплывшей» плащаницы и совершено описываемое Хольмом ван Зайчиком преступление. В сноске автор сообщает: «Последняя из известных хирок была не так давно поднесена известному мулле Омару, главе афганских талибов, и послужила оправданием

^{*}Неизвестно, подлинник или копия.

его претензий на восстановление мирового халифата» [6, с. 177]. Таким образом, за одним словом, неизвестным русскому человеку, в цикле романов Хольма ван Зайчика может вставать целая история религиозных верований или политических событий. В Ордуси на мировое господство мусульмане не претендуют, служат своему многонациональному Отечеству, будучи вполне довольными своим положением.

В евроазиатах вообще подчеркиваются гражданские, интеллектуальные, нравственные достоинства: ум, сообразительность, честность, человечность, вежливость, смелость, выносливость, трудолюбие, забота об общем благе, чувство собственного достоинства. Чрезвычайно важны для них справедливость и долг. Владеют (пусть не всегда в совершенстве) многие герои романов Хольма ван Зайчика и языками западного мира. Иноязычная лексика этого типа может сопровождаться попутным или подстрочным переводом, иногда шуточного характера. Так, побывавшая в США девушка-ордусиянка разъясняет (частично и путая): *«Печь булку — “бэйк”, а тот, кто булки печет: “бэйкер”. Тот, кто охотится — “хантер”, тот, кто повозкой рулит — “драйвер”, а тот, кто... — она покраснела не на шутку, — вот эти самые движения в постели совершает, тот “лавер”... Они так и говорят, будто плотники какие: мэйк лав... делай, мол, любовь»* [5, с. 217].

Владеющий русским языком американец ставит в конце письма: «WBR», к каковому имеется сноска: Сокр. от *«with best regards»*, т. е. *«с наилучшими пожеланиями»* [5, с. 14].

Без перевода достаточно понятный иноязычный текст иногда врывается в произведение, чтобы проакцентировать чуждость говорящего ордусской действительности, его предвзятость, жонглирование заскоруждыми штампами: *«Лё тоталитаризм ордусьен!»* [4, с. 278]; *«Ля провокасьон хемунист!»* [4, с. 280]. Более того, Хольма ван Зайчика смешит наблюдаемое сегодня заискивание перед Западом, где будто бы всё прекрасно; он стремится побудить соотечественников отрешиться от пропагандистских мифов, повысить у них чувство самоуважения. Бинарная оппозиция «Запад — Восток» в цикле его романов деиерархизируется. В изображении писателя Запад не превосходит Ордусь, и если в определенных областях добился больших успехов, то в других уступает евроазиатскому государству. Вопреки самопровозглашению себя Западом лидером современной цивилизации Хольм ван Зайчик использует оборот «так называемой цивилизации», поскольку цивилизованные страны не станут вламываться со своим порядком «в чужой монастырь» и бомбить не угрожающие им, но чем-то не нравящиеся государства. Отталкиваясь от того факта, что в Китае всех иностранцев издревле традиционно называли варварами (безоценочно — как чужих, не-китайцев), Хольм ван Зайчик актуализирует это слово, прилагая его к людям западного мира. Словосочетание «западные варвары» встречается в его «цзюанях» неоднократно. Как будто это просто синоним понятия «иностранцы». Однако русскому уху слышны в нем и негативные коннотации, скрытая насмешка. Как «варварство» Хольм ван Зайчик расценивает поклонение «счету в банке» — главному богу западной цивилизации, стремление диктовать свою волю в мире, царящее между людьми отчуждение. Ордусияне цикла романов «не хуже, а в чем-то и лучше

европейцев», прежде всего — «умением лучше относиться друг к другу» [2, с. 347]. В стране культивируется братство по духу, люди ощущают себя членами одной большой семьи, в процветании которой каждый заинтересован.

Русские равноправны в Ордуси со всеми остальными и большинство составляют лишь в Александрийском улусе (в Александрию — в честь Александра Невского — переименован Петербург, и к городу у Хольма ван Зайчика вернулся статус столицы*). Вторжение в русский язык китайской лексики они компенсируют посредством реактуализации слов, считавшихся устаревшими и словно взятых из «Словаря языкового расширения» А. Солженицына: «всенаучник» («энциклопедист»), «человеконарушитель» («преступник»), «единочаятели» («единомышленники») и др. Сархаизированными формами слов может осуществляться игра. Так, использование окказионализма «помрун» указывает на насмешливое отношение к культу умершего, но сохраняемого в виде мумии. Традиционные святыни русского народа наиболее подробно описаны в романе «Дело лис-оборотней», в главах, повествующих о пребывании Богдана Оуянцева-Сю на «светлой земле Соловецкой», в общении с настоятелем Соловецкого православного монастыря отцом Киприаном, его паствой и паломниками. Поэтизируя православную веру, автор цитирует (иногда в вольном виде или вкладывая текст в уста персонажей) такие источники, как «Полное собрание русских летописей», «Житие Сергия Радонежского», «Слово о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», тексты молитв, иногда импровизирует на эту тему, приближая древность к современности. Добродетель расценивается как нравственная красота человека.

С неожиданной стороны, однако, подходит Хольм ван Зайчик к прославленному памятнику древневосточнославянской литературы — «Слову о полку Игореве». В утопической Ордуси оно считается «Противу-Словом», которым отщепенцы-националисты пытались подменить текст, признанный ордусиянами подлинным. В известном подданным Ордуси произведении *«жених князь Игорь со сподвижниками двинулись миром навстречу Кончаку и Гзаку, и людям их ближним, и невесте, молодой Кончаковне, на пир свадебный»* [3, с. 253], каковой шумно справили, и все радовались вместе с ними. «Противу-Слово», рассмотренное с позиций внеклассного интернационализма, оказывается достаточно уязвимым, ибо автор сочувствует в нем князю Игорю, представленному как агрессор и грабитель, напавший на «братские половецкие полки»: *«...Спозаранку в пятницу потоптали дружины Игоревы поганые полки половецкие и рассеялись по полю за добычей, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты...»* [3, с. 253]. Ордусский патриотизм базируется на многонациональной основе, общечеловеческих ценностях и противостоит умонастроениям, подрывающим евразийское единство, мир, безопасность, благополучие.

В последнее время звучат заявления, что мультикультурализм себя не оправдал. Но проект мультикультурализма — это долгосрочная перспектива, не осуществимая по благому лишь пожеланию, без плюрализации мышления и

*В Ордуси 3 столицы: на Западе, Востоке, в Цветущей Середине.

постмодернизации сознания людей. Полинациональный дискурс цикла романов Хольма ван Зайчика и настраивает на разгерметизацию сознания, толерантность, гармонию национального и инонационального в единой парадигме этнокультурного многообразия.

Литература

1. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело жадного варвара / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2000.
2. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело независимых дервишей / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
3. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело о полку Игореде / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
4. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело победившей обезьяны / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2002.
5. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело лисоборотней / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
6. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело Судьи Ди / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
7. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело непогашенной луны / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2005.

Александра Кабылкова (Минск)

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАССКАЗАХ В. Н. КРУПИНА «ЖЕНЯ КАСАТКИН» И ЛЯН СЯОШЭНА «ЛЕЙКА»

Каждый человек несет ответственность
перед всеми людьми за всех людей и за все.
Ф. М. Достоевский

Человек оценивает собственное поведение, исходя из его соответствия тем нравственным критериям, которые для него являются актуальными. Поступок может удовлетворять этим критериям или не удовлетворять. Думающий человек постоянно ставит себя в рамки моральных принципов, возлагает на себя определенную нравственную ответственность. Ответственность позволяет регулировать собственное поведение, а в случае совершения ошибок — принимать и признавать их.

Проблема ответственности поднимается в рассказах В. Крупина «Женя Касаткин» и Л. Сяошэна «Лейка» и затрагивает такие ключевые понятия нравственности, как совесть, долг, вина, обладает несомненной эстетической значимостью. Казалось бы, что общего может быть у русского писателя-почвенника и китайского писателя, бывшего хунвейбина? Однако именно разница культурных традиций, к которым принадлежат писатели, подчеркивает особую значимость проблемы ответственности в жизни каждого человека.

Небольшой рассказ Крупина «Женя Касаткин» посвящен истории мальчика, страдающего от порока сердца. Женя приезжает в деревню, чтобы хоть немного поправить здоровье. Однако уже в первом абзаце читаем: «Болезнь его была неизлечимой, и он умер от нее на следующий год, в мае» [1, с. 78]. Писатель использует прием И. Бунина, который также уже в начале рассказа говорил о печальном финале истории («Старуха», «Легкое дыхание»). В начале